

Сейчас тело пятнадцатилетнего меня выступает в роли учителя для детей-ровесников — знаете, это называется «победить ещё на старте».

После предварительного тестирования и знакомства я заметил разницу между этими двумя братьями.

Хотя Йозеф и Клод — близнецы, Клод живой и смелый, едва оказавшись в седле, он сразу пускает коня вскачь. Йозеф же всегда сдержан и осторожен: осанка прямая, движения выверенные, но в них недостает той дикой страсти к скачкам. Такая манера совсем не подходит для моих уроков.

Может, ему больше подошло бы держать кисть, а не поводья?

На первом официальном уроке верховой езды старший брат находился неподалеку, отвечая за нашу безопасность, а я лично руководил их первой попыткой сесть на лошадь.

Я ловко проверил длину стремян у Йозефа. Мои кончики пальцев случайно скользнули по его тыльной стороне ладони, и он заметно напрягся, а кончики его ушей тут же порозовели.

— Расслабься, Йозеф.

Я стоял рядом с лошастью, задрал голову и глядя на него снизу вверх, а мой голос звучал прямо и бодро:

— Ой, тебе вовсе не обязательно постоянно сохранять аристократическую осанку. Во время езды нужно просто довериться мне и своей лошади.

Хотя, когда я сам сижу в седле, то и дело стараюсь выглядеть посolidнее, все эти аристократические манеры совершенно не вяжутся с тем удовольствием, которое приносит верховая езда.

Он опустил взгляд на меня, и его светло-золотистые ресницы наполнились сиянием от солнечных лучей. Голос прозвучал тихо и вежливо:

— Хорошо, я послушаю тебя.

Ладно, мальчишка подает надежды, можно научить, мысленно удовлетворенно кивнул я.

Я придержал его за голень, поправляя посадку, и прижал пальцы к его напряженным икрам.

— Напряги здесь, пятки вниз, спину выпрями... Вот так, именно так.

Его дыхание на мгновение сбилось, взгляд упал на мое лицо, но тут же быстро отскочил в сторону, и он лишь тихо произнес: «Угу».

Я всегда отличался прямолинейностью и страстностью, поэтому попросту привстал на цыпочках, чтобы выпрямить плечи Йозефа:

— Смотри вперед, не опускай голову... да ты у меня такой красавец, опустишь голову — и вся красота пропадет!

Фух, чуть не поседел. Ещё чуть-чуть — и превратил бы элегантного красавца в какого-то эмо-панка из девяностых.

Йозеф резко поднял глаза, и в их глубине, сменив привычное спокойствие и сдержанность, впервые забурило явное замешательство, а щеки покрылись легким румянцем.

Но, к сожалению, всё мое внимание было приковано к Клоду, который уже играл так, будто вокруг больше не существовало ни неба, ни земли.

У меня на лбу проступила жилка в виде решетки, но я подавил ее усилием воли:

— Клод! Ты можешь хоть немного быть осторожнее? Это же твое первое занятие верховой ездой, лошадь ведь может понести!

Вся аристократическая выучка вылетела у меня из головы, оставив лишь досаду на непослушного ученика-непоседу.

— Лошадь может понести? — услышав мой окрик, весело развлекавшийся подросток оглянулся с полным недоумением во взоре.

Ладно-ладно, решили выставить меня иностранцем. Хотя сейчас я действительно иностранец, но в моем сердце живет партия, а в стране — я! Огонь!

Я снова вскочил в седло и жесткими мерами перехватил разыгравшихся подростка и коня, заодно продемонстрировав пару фокусов.

— Клод, раз уж госпожа Деласонье доверила вас с Йозефом мне, я по совести обязан нести за вас двоих ответственность. Три правила — слушай внимательно! — принялся я увещевать его, наполовину ублажая, наполовину отчитывая.

С чего бы это ощущение знакомого человека? Оказывается, передо мной сестра давней знакомой.

Привязав коня Клода, я протянул руку, чтобы помочь Йозефу спешиться:

— Эх, послушайте меня оба, — работа и впрямь старит человека.

Я нервно зашагал взад и вперед перед ними, скрестив руки на груди и с суровым видом подводя итоги сегодняшнего урока — объективно, метко и прямо в точку.

Кажется, я кого-то забыл? Ничего страшного, наверное, этот кто-то не важен.

— Господин Лаяс, думаю, нам стоит расставить все точки над i. Хотя я не знаю, какова ваша цель, но раз вы смогли прийти сюда, значит, наши пути в чем-то сходятся.

В чайной комнате господин Деласонье с суровым выражением лица легко постукивал пальцами по столешнице.

Напротив него сидел старший брат... Обычно улыбчивый, сейчас он сохранял на лице абсолютное спокойствие и невозмутимость, а его точеные пальцы вовсе не походили на те, что вырастают в бедных семьях.

— Позаботьтесь о ней вместо меня, мне осталось жить недолго.

Его голос звучал безмятежно, и у него даже находилось настроение с беззаботным видом поглядывать на пейзаж за окном.

Пальцы господина Деласонье замерли. Он-то хотел, чтобы обе стороны выражались прямее, но этот парень взял и выложил всю подноготную о своем положении вот так с ходу?

— Я не стану вмешиваться в ваш выбор. Если она сама захочет, род Деласонье готов обеспечить ей безбедную жизнь до конца ее дней, — замешкавшись на секунду, словно застигнутый врасплох искренностью мужчины, он добавил: — В уплату моего старого долга перед вами.

— Благодарю вас, глава рода Деласонье. Когда она достигнет совершеннолетия, все средства с моих счетов автоматически перейдут на ее имя. После этого пусть делает всё, что пожелает, — искренне и упрямо глядя прямо в глаза господину Деласонье, произнес господин Лаяс.

— Хорошо, я даю слово, — наконец с обреченным вздохом согласился господин Деласонье, принимая поручение покойного друга. Ему хотелось уговорить его изменить решение, но он понимал, что порой молчание — лучший выход.

Взгляд господина Лаяс задержался на чем-то, уголки его губ сами собой изогнулись в улыбке. Заметив боковым зрением, что тот согласился, он облегченно и радостно улыбнулся.

— Моя дорогая сестренка? Как прошел урок? — зашагал он навстречу девушке, купавшейся в лучах солнца.

— Братец, и где ты снова пропадал?

— Да так, передохнул немного.

<http://bllate.org/book/20901/2113072>